

Ю. НИКОЛЬСКИЙ

Александр Блок о России

Если сделать из стихов Блока удачный выбор, то получится «книжка небольшая, томов премногих тяжелей»¹. Но даже в самых серых и однообразных стихах его иногда попадаете такое слово, что остановишься над ним: в самой его туманности угадывается новый, нераскрывшийся мир. Что касается стихов о России, то я не ошибусь, должно быть, если скажу: среди них есть такие, что они — лучшее из всего, что было создано в этой области со времени Тютчева. Не все стихи одинаково ценны, но после некоторых долго остается жуткое волнение. Хотя большинство из них известны давно, но, собранные вместе, они действуют особенно неслучайностью своих мотивов. О России раскрывается новая истина.

Я остановлюсь на разборе первого стихотворения «Река раскинулась». Из цикла «На поле Куликовом» — оно бесспорно чудесное, по прозрению. Даже при беглом рассмотрении можно увидеть постепенное укорачивание строчек — оно вполне оправдано внутренне. Первая строфа характеризует застылость и грусть. Хорошо передается такая картина звуковым сочетанием «ст», как бы восходящим к праарийскому «sta»: «река... грустит», «в степи грустят стога». Резкое восклицание нарушает печальную идиллию: «О, Русь моя! Жена моя!» Ведь все это «мое», «наше», и оттого боль стрелой пронзает сердце: «до боли нам ясен долгий путь»... Здесь начинается тот бешеный ритм с укорачиваньем стоп, который один достаточно передает бешеную скачку степной кобылицы. Наездник как бы захлебывается в своем неудержимом лёте, и это отражается на стиле «лестницей»: одна строка кончается «долгий путь», другая начинается «наш путь»... и т. д. В следующей строфе снова повторение:

Наш путь степной, наш путь в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь.

Не только грустной показалась теперь Блоку Русь — в ней тоска, но она еще более убеждает его:

И даже мглы ночной и зарубежной
Я не боюсь.

Рысь кобылицы во второй и третьей строфе, где цезуры не вполне ясны, превращается теперь в уверенный галоп. Цезуры с однообразной четкостью начинают рубить строки. У всадника — светлая надежда: «Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами»...

Не надолго успокоение души. Будто предугадано наше время: «И вечный бой! Покой нам только снится»... — снятся грустящие в степи, призрачные стада. Кобылица — мало, что она летит, она — «летит, летит... и мнет ковыль»... В предпоследней строфе скачка становится невозможной: «мелькают версты, кручи»... В строфе, которую следует признать кульминационной по движению, уже не только человеческий бунт, но и бунт неба:

Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови.

Вообще движение и смятенность находится в согласии с фонетической структурой. Основная мелодия — чередование гласных «и» и «у», проходящая через все стихотворение, повторяется здесь четырежды в одной строчке.

Поэт хотел разбудить родную Россию — вместо этого всюду кровь. Последняя строфа замедленнее предыдущей. С горечью произносится: «покоя нет». Ударенные «а» («плачь», «вскачь») дают печальное разрешение:

Плачь, сердце, плачь:
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

Другие стихи куликовского цикла не могут стать рядом с первым, хотя и там есть поразительные строчки:

За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

или:

И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.

А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

О той, что «сошла в одежде свет струящей», — кажется, что Блок любит ее, но как бы недостаточно в нее верует. Оттого «Лик Нерукотворный», особенно же Христос в других стихотворениях (даже там, где за ним «огород капустный»²), производят — я бы сказал — только эстетическое впечатление. Нет того религиозного проникновения, какое было у Тютчева. Но у Блока есть другая Русь:

С болотами и журавлями
И мутным взором колдуна³.

Это Русь не церковно-византийская, но старая Русь — такую видел ее Врубель в своем «Пане». Блок восходит к сказочно-пушкинскому ее истолкованию: «там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит»⁴. Там у Блока — «ночные хоромы под заревом горящих сел». Древняя религия, исконная, не нашла своих настоящих форм.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого Бога страстно верил,
Какую девушку любил, —

говорит поэт.

Русь укачала его живую душу на своих просторах, и не смеет он, да верно и не может, раскрыть ее тайну:

Дремлю, а за дремотой тайна
И в тайне — почивает Русь.
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснись.

Исходя в своем понимании России из тютчевских откровений («Россия, нищая Россия»), Блок как бы дополняет Тютчева:

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи.

.....

Твои мне песни ветровые
Как слезы первые любви⁵.

Но он не умеет жалеть России — Россия может отдаваться какому угодно чародею, — так тверда его вера:

Не пропадешь, не сгинешь ты
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты.

Пускай будет более одной слезой, все равно, все те же «лес и поле, да плат узорный до бровей» — у России:

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка...

Две темы проходят через все творчество Блока: «дорога» и «тишина». «Дорога» показывает, что поэт хорошо чувствует мир пространственно. «Тишина» связывает Блока с Некрасовым, который писал про Россию: «не угадать, что знаменует твоя немая тишина»...⁶ У Блока в том стихотворении, где ему видится: «в каждой тихой, ржавой капле — начало рек, озер, болот» — тишина — «людская врагиня», ею убаюканы мхи. Этот образ получает особенный смысл, если связать ее со стихотворением «Мэри», где у изголовья матери — «ее сиделка тишина» — какое-то, почти человеческое существо. Любовь к России у Блока не отрадная.

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы дети страшных лет России...

На наших лицах кровавый отсвет от дней войны и «дней свободы». Гул набата заградил нам уста, и мы остались немыми, а в сердцах наших — пустота.

И вот самое великое стихотворение Блока:

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням
И с головой от хмеля трудной
Пройти стороной в Божий храм.

Везде неопределенное наклонение. Изображенное лицо три раза касается горячим лбом заплеванного пола, семь раз крестится, кладет грошик, целует «три да еще семь раз подряд» «столетний, бедный и зацелованный оклад», а дома на тот же грошик обмеривает кого-нибудь, икнув, отпихивает голодного пса от двери.

И под лампадкой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслунить купоны,
Пузатый отворив комод,
И на перины пуховые,
В тяжелом завалиться сне...

Какая «реальная правда» и уже не правда, а фантастика ясновидца. Тот ли это тихий Блок, писавший стихи о Прекрасной Даме, и как тогда мы не заметили, что его перо может быть мощным в своей беспощадности? Много душевных сил и любви, действительно иррациональной, т. е. самой истинной, надо иметь, чтобы и после этого сказать:

Да и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Блок знает, какую боль он делает своими открытиями, и вот он снова подходит к нам, грустный и ласково проникновенный в своем «Последнем напутствии».

Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

Это та самая, что была у Мэри, про которую он говорил: «но счастье было безначальней, чем тишина»... Она вошла, когда ее не ждешь, и будто бы друг «тронул сердце нежной скрипкой». Замыкается «круг постылый бытия», проплывают «как в тумане люди, зданья, города». Проходит «лесть, коварство, слава, злато, человеческая тупость». Потом в обратном порядке. Кажалось бы, все уже; но тут возникают самые любимые образы:

...еще леса, поляны
И проселки и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе.

А когда все — «чем тревожила земля» — уйдет, останется одна:

Та, кого любил ты много,
Поведет рукой любимой
В Елисейские поля.

Речь Блока в этом стихотворении до растроганности взволнованная. В Блоке то и замечательно, что для него нет ни «формы», ни «содержания», — в слове для него заключена истина в целом, и вот почему связь рифмой — для него всегда является связью «формы внутренней». И вот почему внедряющаяся в строфу непарная строчка, рифмующаяся с непарной в следующей строфе связана с ней и своим внутренним смыслом.

Хочется думать, что не случайно связана «наша русская дорога» с той, «кого любил ты много». Тут путь, «шоссе», по которому все время тосковал Блок в стихах о России, приведет его опять к его Прекрасной Даме. Не с нею ли он встретился в последнем стихотворении, когда он пришел домой от рыцаря Бертрана и трувера Рютбёфа («Действо о Теофиле»)?⁷

Да, ночные пути роковые
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли⁸.

Нашел Блок тишину свою «у креста и могилы братской». Издали щемящая солдатская песнь, и над объатыми смертным сном людьми:

Горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

Так заканчиваются «Стихи о России». И сейчас же к ним вспоминаешь другие, потому что теперь уже совершенно ясно: ведь все стихи Блока о России.

О России он говорит Вяч. Иванову: «В ту ночь нам судьбы диктовала восстанья страшная душа»⁹, но даже когда он влюбляется в «хладные меха», пролетая Елагиным мостом¹⁰, и это — о России.

Фет, напоминающий по диапазону Блока, еще совсем недостаточно оцененный, — говорил, что поэту не нужно искать сюжета. Сюжеты всюду: в брошенном на стуле женском платье, или в сидящих на заборе воронах¹¹.

И Фет мог на одной и той же бумажке писать изящнейшие стихи о говорящих звездах и про то, что вздорозжал керосин.

Мы будем понимать Блока тогда, когда увидим, что одна истина раскрывалась ему и в «хладных мехах», и в «стихах о России». Тогда про себя мы сможем сказать:

И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

